

СОДЕРЖАНИЕ

От автора 7

Часть I. СМЕРТЬ СТАЛИНА: ЗАГОВОР ИЛИ ЕСТЕСТВЕННАЯ СМЕРТЬ?

Предисловие	10
Послевоенная осень. Первый микроинсульт	21
Конфликт с дочерью. Начало	27
«Роман» Сталина с сионистами	34
1945 год: Великие Державы и Палестина	40
Советско-британские войны	41
Палестина	48
Заложники	54
Сталин и Палестина: тайные операции советской разведки	60
Дипломатическая битва в ООН	67
СССР и Израиль, 1948—1949	70
От дружбы к вражде. Декабрь 1947 — февраль 1949	78
Шестиконечные звёзды братских компартий	90
Советско-американские отношения, 1947—1949	91
Февраль 1949 — декабрь 1952	97
Рюмин. Головокружительный взлёт	107
«Мингрельское дело»	109
Рюмин — непредумышленный убийца Сталина	113
Политбюро в ожидании «смены поколений»	115
Заключительный акт, январь — февраль 1953	122
Депортация евреев	131
Версия Глебова	137
Версии, собранные Авторхановым	138
Саморазоблачение Хрущёва	148

Версия Глебова против версий, приведенных Авторхановым	158
Версия Волкогонова	160
Был ли заговор Берии?	169
Болезнь Сталина. Версия естественной смерти	176
Смерть Сталина. День рождения дочери	189
Бытовая версия: конфликт с дочерью	194
Загадочный Надирашвили	199
По ложному следу	209
Воспоминания лечащего врача Сталина	217
«Врачи-убийцы» стали экспертами	226
Почему засекречена история болезни Сталина	230
А заговор всё-таки был	232
Заговор Хрущёва	236
Триумф заговорщика	239
Незаконченное послесловие	241
Об антисемитизме Сталина	244
Фальшивка КГБ о смерти Сталина	249
Ложь и вымысел о смерти Сталина	253
Личное	260

Часть II. ПО СЛЕДАМ ПЕРВОМАРТОВСКОЙ НОЧИ

В Прокуратуре СССР: «дело Берии»	265
5 марта 1953 — 26 июня 1953	273
Десталинизация: реформы Берии	289
Июльский пленум	293
Хрущёв против Берии. Обвинение и приговор	307
«Служили два друга в нашем полку...»	319
Эпилог	325
Приложение	330
Использованная литература	333

ОТ АВТОРА

Зимой 1953-го в кругах московской еврейской интеллигенции распространялись мрачные слухи о готовящейся массовой депортации евреев в Сибирь, и правительственное сообщение о смерти Сталина, прозвучавшее 5 марта, в день празднования еврейского праздника Пурим, воспринято было как кара Всевышнего: «Аман XX века умер»¹. Оставим эту версию без внимания, как бы красиво она ни звучала. У родственников и ближайшего окружения Сталина, знавших о двух микроинсультах (первый случился в октябре 1945-го, второй — в октябре 1949-го), подозрений о насильственной смерти не возникло (нельзя считать таковыми пьяные крики Василия Сталина в день смерти отца). Обширный инсульт в 73-летнем возрасте даже при нынешних достижениях медицины чаще всего завершается фатальным исходом.

Версия насильственной смерти получила огласку в 1976 году в книге А. Авторханова «Загадка смерти Сталина: заговор Берия». Она обрела популярность в середине восьмидесятых, когда вначале осторожно, а затем всё

¹ Аман — персонаж Ветхого Завета, ставший в еврейской традиции символом антисемита, ненавидящего еврейский народ и замышляющего его гибель. Праздник Пурим ежегодно отмечается во всех еврейских общинах в память об избавлении от Амана и чудесном спасении евреев в Персидском царстве более 2400 лет назад, в период правления царя Ахашвероша. В 1953 году праздник Пурим удивительным образом совпал с днём смерти Сталина.

уверенной историкой заговорили о заговоре, связывая его с «делом врачей», планировавшейся депортацией евреев и... именем личного врага Авторханова Лаврентия Берию, которого Хрущёв в поисках козла отпущения назначил виновным за массовые репрессии. Придумка эта пришлось кстати и обеляла «ничего не ведавшее» высшее руководство партии. И ведь как удачно сложилось: созданный Хрущёвым образ монстра и сексуального маньяка прижился надолго, шагнув в XXI век. Берия единожды назначили убийцей Сталина, главой заговорщиков и пошло-поехало — ложь, тысячекратно повторяемая десятилетиями, прирумянилась, свыкла в чужих одеждах и стала похожей на правду.

Но так ли это? Что произошло на сталинской даче в ночь на 1 марта 1953 года? Естественная смерть или дворцовый переворот, привычный для российской истории и осуществлённый высокопоставленными членами сталинского Политбюро?

Почему до 1976 года никто о заговоре не говорил? Или всё же говорил, но тишком — и до массового сознания речи «разоблачителя» не доходили? И если после ареста ведущих кремлёвских врачей, знавших историю болезни вождя, в решающие часы Сталин оказался без медицинской помощи и хотя бы поэтому его смерть напрямую связана с антисемитской компанией, им же развязанной, то почему это произошло? Ведь Сталин оказал неоценимую поддержку сионистам при создании государства Израиль — и вдруг стал антисемитом и антисионистом. Почему? И не вызван ли инсульт, случившийся в день рождения дочери, с напряжёнными с ней отношениями, семейными проблемами и ссорой?

Без ответа на эти вопросы нельзя воссоздать полноценную картину первоапрельской ночи 1953 года, и об этом повествует часть первая — «Смерть Сталина: заговор или естественная смерть?» Мир после ухода Сталина с политической сцены не стал иным, но уже не смог быть прежним.

Дыма без огня не бывает — это истину мы усвоили со школьной скамьи. Что известно о первомартовской ночи всезнающему правосудию? Чем ещё в декабре 1953 года завершилось полугодовое следствие по делу Берии помимо его признания шпионом и врагом народа, виновным в действиях, направленных на подрыв Советского государства? Предъявляла ли ему Прокуратора СССР обвинение в убийстве или подготовке к убийству «отца народов» и как восприняло это обвинение, если таковое имело место, Специальное Судебное Присутствие Верховного суда СССР? Ответ на эти вопросы во второй части — «По следам первомартовской ночи».

Часть I

СМЕРТЬ СТАЛИНА: ЗАГОВОР ИЛИ ЕСТЕСТВЕННАЯ СМЕРТЬ?

Правда — это не то, что было
или чего не было в одну ночь из ночей.
Правда есть то, что останется
в людской памяти навсегда.

Зеев Жаботинский. «Самсон Назорей»

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта история началась для меня тогда, когда ещё не были опубликованы мемуары Светланы Аллилуевой, из которых черпали вдохновение десятки, если не сотни историков; когда ещё не рискнул предать гласности воспоминания о последней вечере вождя её участник Никита Хрущёв, личность спорная и неоднозначная; когда Авторханов, яростный ненавистник Бери, перешедший в годы войны на сторону Гитлера, ещё не составил план мести и не обвинил своего заклятого врага в заговоре с целью убийства Сталина и когда в массовом сознании, не возбуждённом ветрами перемен, властвовала официальная версия естественной смерти «отца народов».

Шёл 1966 год. Одним он запомнился судом над писателями Синявским и Даниэлем, другим — XXIII съездом КПСС, третьим — ташкентским землетрясением... Для меня — годом поступления в НЭТИ¹. Через два месяца я стал членом литературного объединения, нашедшего приют в двух редакционных комнатках газеты «Энергия».

¹ НЭТИ — Новосибирский электротехнический институт, ныне НГТУ — Новосибирский государственный технический университет

Несмотря на то что редактору газеты, кандидату философских наук Глебову, совмещавшему партийную нагрузку с преподаванием на кафедре философии, не было ещё сорока, он казался мне стариком: интеллигентная коротко стриженная бородка клинышком (а ля дедушка Калинин) придавала Владимиру Львовичу строгий и загадочный вид, чему способствовали также пенсне и трость, добавившаяся позднее. Нехитрые аристократические атрибуты, которыми он себя оградил, отпугивали меня, и единственное, на что я решался, — робко здороваться с ним при встрече. Вскоре он оставил редакторскую должность, полностью переключившись на написание докторской диссертации.

От одного из своих старших товарищей, вхожего в редакцию и лучше знавшего Владимира Львовича, я услышал историю смерти Сталина. К рассказу Глебова, переданному через второе лицо, отнёсся я с недоверием... Сомневался и в том, что тот был сыном опального Каменева, бывшего члена Политбюро¹.

Время рассудило иначе и расставило всё по своим местам. Не берусь утверждать, что расставило окончательно: в отличие от математики, законы которой вечны и неоспоримы, общественные мораль и законы склонны менять одежды самым неожиданным образом. Мы ещё вернёмся к истории Глебова, но сначала несколько слов о нём самом и о последующих событиях, заставивших сохранить в памяти его версию...

Владимир Львович родился в 1929 году за семь лет до трагической смерти отца; вместе с матерью Татьяной Глебовой, второй женой Каменева, сослан был в Бийск;

¹ С 25 октября (7 ноября) 1917 г. Лев Борисович Каменев — председатель ВЦИК. Через десять дней подал в отставку, требуя создания коалиционного правительства с меньшевиками и эсерами. С октября 1918 г. по май 1926 г. — председатель Моссовета. С марта 1919 г. — член Политбюро, с 1922 года в связи с болезнью Ленина председательствовал на заседаниях Политбюро. С февраля 1924-го — председатель ЦТО СССР. Расстрелян 26 августа 1936 года по делу «Троцкистско-зиновьевского объединённого центра». Реабилитирован в 1988 году.

в 1937 году, после расстрела матери, попал в детдом и в дальнейшем всю жизнь носил её фамилию.

Кто знает, какой была бы история СССР, если бы в 1922 году Каменев не предложил назначить Сталина Генеральным секретарём ЦК РКП(б)... Через три года Каменев стал одним из лидеров антисталинской оппозиции. В 1936-м его расстреляли. Такая же участь постигла всех членов его семьи. Младшего сына спасло то, что на момент расстрела отца ему было семь лет.

Когда сын подрос, его тоже репрессировали. Но ему тем не менее повезло. По недосмотру он избежал печальной судьбы, выпавшей двум его сводным братьям от первого брака Каменева, родным племянникам главного врага Сталина — Льва Троцкого. Угораздило же их иметь такое родство!

Для первой волны расстрелов Володя Глебов был слишком юн. Когда в 1949 году вновь начались репрессии (папочка-оппозиционер подкачал дважды — оказался ещё и евреем), он, в отличие от многих будущих жертв диктатора, **уже** находился в Сибири. Можно сказать, что и на этот раз ему подфартило. Вскоре после смерти Сталина началась волна реабилитаций, и Владимир Глебов получил шанс вернуться к полноценной жизни.

Биография Глебова прояснилась в середине восьмидесятых, когда газета «Социалистическая индустрия» опубликовала интервью с доктором философских наук Глебовым, в котором он рассказал, как после расстрела отца оказался с матерью Татьяной Ивановной в сибирской ссылке, и поведал о своей жизни. О смерти Сталина речи не было. Глебов хранил молчание, хотя к тому времени уже разговорились многие, в той или иной мере владевшие информацией.

Потрясение устоев началось с сенсации — с бегства на Запад в 1967 году дочери Сталина Светланы Аллилуевой, сумевшей при содействии посла Индии вывести из СССР книгу воспоминаний «Двадцать писем к другу». Через год в Нью-Йорке была опубликована вторая книга Светланы — «Только один год», повествующая, в частности, о причастности Сталина к убийству Михоэлса.

Новый информационный взрыв не заставил себя долго ждать. В 1970 году Хрущёв, один из самых преданных соратников Сталина и участник ночного застолья, завершившегося инсультом «вождя народов», к тому времени смещённый со всех постов «новыми» заговорщиками, наслушался по «Голосу Америки» глав из книг Аллилуевой и в отместку за низвержение передал американскому издательству мемуары, в которых поведал о последних днях и часах жизни Сталина. Его воспоминания, как и мемуары дочери Сталина, легли в основу работ всех историков.

Отголоски западных публикаций нелегально просачивались в СССР. Интерес к событиям, связанным со смертью Сталина, подогревался книгой Абдурахмана Авторханова «Загадка смерти Сталина: заговор Берия» (1976). В ней он назвал Берия, своего личного врага, организатором убийства «отца народов». Вряд ли профессор американской военной академии ожидал, что на его бывшей Родине, справедливо считавшей его предателем за добровольный переход линии фронта и сотрудничество с немецко-фашистскими оккупантами, его версия обретёт толпу почитателей.

Тема оказалась хлебной, и на этом «откровения» не закончились. В 1984 году в США была опубликована книга Роя Медведева «Они окружали Сталина» (в СССР книга издана в 1990 году), в которой известный советский диссидент популяризировал мемуары Аллилуевой и Хрущёва и озвучивал воспоминания бывших руководителей советского государства. Защищая отцов, «боевых» соратников Сталина, в 90-х годах заговорили их сыновья — свидетельский круг, по мере отдаления от реальных событий, стремительно увеличивался. Каждый, владевший хоть какой-либо информацией, старался внести свою лепту в чашу истории.

С развалом Советского Союза приоткрылись «государственные секреты». В Архиве Президента РФ «обнаружился» архив Сталина, к которому, опасаясь неконтролируемой огласки, допустили лишь «особо доверенных» лиц. Доктор исторических наук Илизаров, ведущий научный сотрудник Института российской истории, работавший в комиссии

по передаче архивов КПСС и КГБ в государственные архивы РФ, написал об ограничениях, с которыми столкнулся, подтвердил слухи об уничтожении секретных документов и рассказал о 300 делах, закрытых для изучения¹.

Тем не менее «особо доверенные» исследователи Волгогонов, Радзинский (кавычки употребил Илизаров, сомневаясь в их объективности), пользуясь эксклюзивным правом изучать архивные документы, опубликовали несколько книг, в период информационного вакуума ставших бестселлерами.

Новым биографом Сталина с одобрения Кремля стал бывший начальник Института военной истории Министерства обороны СССР генерал-полковник Волгогонов. В 1994 году вышла его книга «Сталин. Политический портрет». В этом же году на Западе появились воспоминания бывшего заместителя начальника разведуправления МГБ СССР генерал-лейтенанта Судоплатова «Разведка и Кремль». В России под названием «Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930—1950 годы» они были изданы в 1997 году.

По непонятной причине «звёздные авторы», кормившиеся с мемуарного стола Аллилуевой, обошли молчанием четвертую книгу Светланы — «Книга для внучек: Путешествие на родину» (Нью-Йорк, 1991 год). В ней прозвучала загадочная история о некоем Надирашвили, появившемся в её квартире сразу же после смерти отца, имеющая отношение к Сталину и к Берии. Светлана настоятельно просила исследователей раскрыть личность Надирашвили и указала направление поиска — неизданные мемуары Поскрёбышева, арестованные КГБ. До сих пор эта тайна находится за семью замками: историки, писатели и чекисты, сделавшие себе имя на мемуарах Светланы и активно использующие две первые её книги, стороной обходят историю Надирашвили — ни подтверждения, ни опровержения, известно лишь то, что поведала Аллилуева.

¹ Илизаров Б. С. Сталин. Штрихи к портрету на фоне его библиотеки и архива, глава «На фоне архива и посмертной суеты» // Новая и новейшая история. 2000, №№ 3, 4.

Однако разговорились не все. Продолжали хранить молчание соратники Сталина — долгожители: Маленков, фактический преемник Сталина на посту главы правительства СССР (умер в 1988 г.), Молотов (умер в 1986 г.) и Каганович (умер в 1991 г.). Казалось бы, мемуары Хрущёва (умер в 1971 г.), в которых «заклятый друг», нелицеприятно о них отзывавшийся, подробно изложил **свою** версию событий, вроде бы должны были подтолкнуть молчунов к разговорчивости. Ан нет: стиснули зубы, не опровергли, но и не подтвердили. Оставшиеся в живых соучастники сталинских преступлений прочно связали себя круговой порукой: нас не трогай, а мы — честно выдержим обет молчания, данный КГБ и Хрущёву.

Из самого близкого окружения Сталина зимы 1953-го, бывшего с ним в ночь, когда случился инсульт (Маленкова, Берии, Хрущёва и Булганина), и расширенного (находящейся в отдалении второй четвёрки вождей — Кагановича, Ворошилова, Молотова и Микояна — и допущенной к постели умирающего на второй день болезни) откровенничал лишь Хрущёв. Остальные, за исключением Берии, арестованного 26 июня 1953 года и расстрелянного через полгода, 23 декабря (на этот счёт есть разные версии), прожили долгую жизнь и... как «в рот воды набрали». Микоян в своих многословных воспоминаниях острые углы старательно обошёл.

Впрочем, мемуары долгожителей сталинского Политбюро (Каганович, едва не дотянувший до столетнего юбилея, отметил посмертно опубликованными в 1996 году «Памятными записками», довольно скучными, к слову сказать) ничего не добавили бы к тому, что было уже известно. Молотов и Каганович, несмотря на публичные пощёчины, полученные от Сталина, — арест жены Молотова и обвинение в шпионаже брата Кагановича, вынужденного застрелиться, — и после смерти вождя остались покорными и преданными служаками, о которых в повести «Верный Руслан» написал Георгий Владимов. До самой смерти Молотов и Каганович, сохраняя корпоративное молчание, боролись

за возвращение им партийных билетов. К слову сказать, не напрасно: за два года до кончины, в кратковременное царствование Черненко, Молотов своего часа дождался.

Каганович (о его роли мы будем говорить особо — его имя фигурирует в нескольких версиях, представленных ниже), в отличие от интерпретаторов, строивших разные домыслы, смерть Сталина описал одним лишь абзацем, подчеркнув отсутствие каких-либо недомоганий. О том, что могло бы послужить причиной инсульта, не сказано ни полслова:

«Умер Сталин неожиданно. Хотя некоторые из нас в последний период его жизни реже бывали у него в домашних условиях, но на совещаниях, официальных заседаниях мы с удовлетворением видели, что, несмотря на усталость от войны, Сталин выглядел хорошо. Он был активен, бодр и по-прежнему вёл обсуждение вопросов живо и содержательно. Когда ночью меня вызвали на “Ближнюю дачу”, я застал там Берия, Хрущёва и Маленкова. Они сказали мне, что со Сталиным случился удар, он парализован и лишён дара речи, что вызваны врачи. Я был потрясён и заплакал»¹.

Как трогательно: «...я был потрясён и заплакал»... Несмотря на трагическую гибель брата, «дело врачей» и готовящийся над ними процесс, который должен был закончиться публичными казнями осуждённых, «...мы с удовлетворением видели, ... Сталин выглядел хорошо. Он был активен, бодр и по-прежнему вёл обсуждение вопросов живо и содержательно».

Ничего из того вымысла, которым «прославился» его американский псевдоплемянник Стюарт Каган (Каганович), опубликовавший, по его словам, истинные мемуары своего дяди. Несмотря на то что ни один серьёзный исследователь не упоминает бред из книги «Крёмлевский волк»

¹ Каганович Л. М. Памятные записки. — М., 1996.

только из-за фамилии автора, утверждавшего, что написанное он лично слышал из уст Кагановича, в главе «Ложь и вымысел о смерти Сталина» я вынужден буду коротко остановиться и на его версии.

Ещё один свидетель из лиц, особо приближённых к Сталину, Булганин (умер в 1975 г.), мемуаров не оставил, но его воспоминания со слов Бенедикта Сарнова приведены Авторхановым. О них мы тоже поговорим позднее.

Каждый рассказчик добавлял в картину событий, предшествовавших марту 1953-го, что-то своё. Очевидцы, они же и соучастники сталинских преступлений, многое недосказали. Однако то, чем они скупно поделились, рассказывая о смерти Сталина, с незначительными отклонениями совпадало с версией, известной мне с середины шестидесятых. Единственное, что было скомкано, — объяснение того, что же послужило причиной инсульта. Именно этим их версии отличались от версии Глебова. У каждого «героя», по причинам вполне субъективным, было желание стусевать свою роль, скрыть сопричастность к массовым убийствам, были свои причины хранить молчание.

Но если говорить о Глебова, некогда возбудившем мой интерес к изучению данной темы, то сын врага народа, в отличие от других детей репрессированных, в рядах диссидентов замечен не был. В 1962 году он стал членом КПСС и даже в перестроечные времена остался верен дрессировке, полученной в детдоме для детей изменников Родины. Вновь, к великому ужасу, «верный пёс Руслан»...

Умер Глебов в 1994 году, не опубликовав того, что рассказал в частной беседе.

Долгие годы я не доверял Владимиру Львовичу, понимая, что он не был очевидцем событий и его рассказ, точнее пересказ, мог быть основан на домыслах. Впервые я опубликовал его версию в 2011 году в книге «Советский квадрат: Сталин — Хрущёв — Берия — Горбачёв». В ней, как и в последующей книге «Светлана Аллилуева. Пять жизней» (2012), предлагая своё виденье исторических событий, я старался избегать голословных и спекулятивных

утверждений, которыми в погоне за сенсацией, увы, грешат многие авторы.

Мой труд, как и труд многих других исследователей, был бы облегчён, если бы в открытом доступе с комментариями специалистов находилась десятитомная история болезни Сталина. Но засекречен не только личный архив Сталина. Закрыты архивы ФСБ, в которых за семью печатями хранятся документы секретных служб былой эпохи — ОГПУ, НКВД, МГБ и КГБ. С географических карт исчезла страна, называвшаяся СССР, рухнул тоталитарный режим, и нет уже «карающего меча диктатуры пролетариата», но преемники свято хранят тайны прошлого.

До сих пор **полностью** не опубликовано письмо Лидии Тимашук, на котором в 1948 году Сталин начертал резолюцию: «В архив!», — через четыре года оно «всплыло» для инициирования «дела врачей». Частично опубликованы следственные материалы по ЕАК (Еврейскому антифашистскому комитету).

Чуть ли не государственной тайной является «дело Берии». Полвека советская историография, до неузнаваемости переписав его биографию, бездоказательно убеждала советских людей (а с развалом СССР — россиян), что ещё с 1919 года он был агентом муссаватистской разведки, затем английским шпионом и прочая, и прочая. По всем описаниям — трёхглавый дракон, извергающий напалм, и тот не так страшен в сравнении с новым чудовищем, каждый раз меняющим своё имя. Сперва в роли чудища был Троцкий, затем двуглавый змий Каменев — Зиновьев, позже зловещую маску примерили на Бухарина и, наконец, окончательно установили имя злодея — Берия. Стереотипы живучи. До сих пор у тех, кто берётся описывать сталинскую эпоху, когда речь заходит о Берии, белых красок нет, все — чёрные.

Крохотные порции рассекреченных документов, которые время от времени «выбрасываются» из архивов, не позволяют воссоздать цельную картину событий. Иногда приходится оперировать слухами (кто-то где-то что-то сказал), ссылаться на мемуары очевидцев и современников, кото-